

Ю. А. Сальникова

ФОРМИРОВАНИЕ ИМПЛИЦИТНОЙ ОЦЕНОЧНОЙ СИТУАЦИИ В АМЕРИКАНСКОМ ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ

*Работа представлена кафедрой английской филологии
Дальневосточного государственного гуманитарного университета.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Н. И. Серкова*

Статья посвящена исследованию особенностей имплицитной оценочной ситуации в американском газетном дискурсе. Предпринимается попытка анализа разных типов речевых актов, выражающих косвенную оценку в дискурсе американской «прессы мнений».

Ключевые слова: *оценка, оценочная ситуация, имплицитность, речевой акт, газетный дискурс.*

Yu. Sal'nikova

FORMING OF IMPLICIT EVALUATION IN THE AMERICAN NEWSPAPER DISCOURSE

The article is devoted to the phenomenon of implicit evaluation in the American newspaper discourse. The author attempts to analyse different types of indirect speech acts of evaluation in the American opinion press discourse.

Key words: *evaluation, speech event of evaluation, implicitness, speech act, newspaper discourse.*

Современную лингвистическую науку характеризует обращение к основным установкам антропологической программы изучения языка. По мере того как интересы лингвистов все больше концентрируются на изучении роли человека в языке, возникает необходимость в более пристальном рассмотрении такой личностно ориентированной категории, как оценка.

По словам О. С. Ахмановой, «оценка – суждение говорящего, его отношение – одобрение, неодобрение, желание, поощрение – как одна из составных частей стилистической коннотации» [1, с. 305]. Ситуация экстралингвистической действительности, когда появляется возможность оценить и совершается акт оценки, определяется как «оценочная ситуация» [14, с. 14].

Оценочной ситуации свойственна такая прагматическая характеристика, как эксплицитность/имплицитность высказывания. Эксплицитность и имплицитность являются коррелирующими понятиями. Эксплицитность предполагает открытое, непосредственное выражение какого-либо значения, имплицитность – скрытое, опосредованное выражение. Выбор того или иного способа высказывания оценки обусловлен достижением определенных прагматических целей субъекта речи.

Наибольшей интенциональной близостью к реализации оценочной ситуации в газетно-публицистической коммуникации обладают тексты аналитических жанров. Представляется возможным применить к этой группе жанров термин «пресса мнений», толкуя его не в традиционном значении «пристрастная печать, выражающая мнения определенных кругов общества» [10, с. 17], а в более широком – как аналитические тексты газетной публицистики, представляющие авторское видение события или проблемы и выражающие мнение и оценку. В настоящей работе рассматриваются аналитические статьи американских газет *The Washington Post*, *The New York Times*, *The Los Angeles Times*,

USA Today за 1997–2008 гг., на материале которых предпринята попытка описания различных способов представления косвенной оценки.

Имплицитная оценка составляет существенную часть информации, передаваемой в дискурсе американской «прессы мнений». Определяющим дифференциальным признаком имплицитной оценочной ситуации является отсутствие в высказываниях данного типа стандартных элементов оценочной структуры: оценивающего субъекта, оценочного предиката, объекта оценки и основания оценки. Известно, что при имплицитном выражении оценки оценочный иллокутивный акт совершается опосредованно, с помощью другого, формально неоценочного [13, с. 55]. Наблюдается несовпадение формы и функции речевого акта, что позволяет отнести его в разряд косвенных.

Закономерно встает вопрос о типах речевых актов, способных передавать косвенную оценку в газетном дискурсе. Проблема взаимоотношения оценочных и других речевых актов затрагивалась в работах Дж. Серля, У. Гудзона, Е. М. Вольф. Так, Дж. Серль и У. Гудзон отмечали, что оценочная модальность оказывается связующим звеном между ассерторическим и деонтическим (Searle 1964, Hudson 1965; цит. по: [4, с. 122]). Е. М. Вольф указывала на связь аксиологической модальности с модальностями странности, долженствования, желания, просьбы, совета, запрещения, предостережения, угрозы, рассматривая случаи обозначения этих видов значений посредством оценочных выражений [4, с. 122–131]. Отмечалась и обратная закономерность, характерная для всех субъективных модальностей: их способность сочетаться с экспрессивностью, оценочностью [3, с. 185–186].

Согласно исследуемому материалу, имплицитная оценочная ситуация наиболее часто возникает в условиях выражения косвенного речевого акта (РА) оценки посред-

ством речевых актов совета, запрета, упрека, сожаления, сообщения, несогласия, осуждения. Рассмотрим особенности имплицитной оценочной ситуации, выражаемой в дискурсе американской «прессы мнений» посредством указанных выше типов речевых актов, принимая во внимание собственно языковые и экстралингвистические факторы, актуализирующие имплицитную оценочную информацию.

1. Речевой акт совета.

Основная прагматическая функция этого типа речевого акта заключается в выражении мнения о том, как следует поступить в той или иной ситуации. Анализ фактического материала указывает на наличие некоторых лексико-грамматических моделей (назовем их структурными формулами), характерных для выражения косвенной оценки посредством РА совета:

а) Subject + should + Indefinite Infinitive.

«The outside world, in conjunction with our enemies at home, have unleashed a false propaganda against us, that we are violating women's rights», he [Mr. Qualamuddin] said. «But the reverse is true: the world should take lessons from us. By strictly observing the Sharia Law, we have given great honour and dignity to our women».

(The New York Times: Aug. 29, 1997)

б) Wouldn't it be + Adjective + er + Indefinite Infinitive.

Heat makes people illogical. I got on the uptown subway to go to Brooklyn just two weeks ago. And people who wouldn't be caught dead on the summer-baked sidewalks head to the beach to spit-roast themselves in the sun. Wouldn't it be wiser to head for the shade instead?

(The New York Times: Aug. 29, 1997)

В речевом акте совета предлагаемый вариант поведения рассматривается как наиболее желательный, подтекст содержит неодобрение противоположного хода событий. Поскольку совет определяется как мотивированный вид побуждения в интересах получа-

теля сообщения, то вполне допустимо, что реципиент может не внять этому побуждению. Скрытая полемика адресата и адресанта находит свое выражение в том, что субъект публицистической речи часто прибегает к совету в форме «*Why-question*» (на распространенность этих способов выражения совета в американской речевой культуре указывает также Н. А. Каразия [8, с. 85]):

в) Why not + Infinitive.

Why not stage a musical there?

(The New York Times: March 14, 2008)

г) Why don't we + Infinitive.

Why don't we say no to bugs?

(The New York Times: Dec. 30, 2007)

Прибегая к конструкциям этого типа, говорящий, по справедливому замечанию Дж. Серля, «побуждает слушающего привести причины, по которым нельзя выполнить определенное действие, молчаливо предполагая, что отсутствие таких причин является само по себе основанием для выполнения этого действия» [12, с. 217]. Субъект речи демонстрирует логический, рациональный подход к ситуации общения, что может быть интерпретировано как проявление прагматизма, отличающего американское лингвосообщество.

2. Речевой акт запрета.

РА запрета – это категоричная форма констатации неприемлемости того или иного действия. Действие, подвергаемое запрету, рассматривается как нежелательное, и, следовательно, негативно оценивается. Согласно материалу исследования, РА запрета может быть представлен следующими структурными формулами:

а) Stop + Substantive.

Stop this foolishness.

(USA Today: Jan.20, 2008)

б) Stop + Gerund.

Learn these things now and stop worrying about everything else.

(USA Today: Jan.22, 2007)

в) Don't + Infinitive.

You want privacy? Don't call news conference.

(Los Angeles Times: June 15, 2007)

Структуры Stop + Gerund и Don't + Infinitive, используемые для выражения РА запрета, выделяются и на материале текстов американской художественной прозы [8, с. 82–83].

Существенной особенностью запретов является то, что оценивая действие, на которое налагается запрет, как крайне нежелательное для адресата, субъект речи тем самым невольно возвышает себя над ним, становясь в «позицию авторитета». В дискурсе американской «прессы мнений» высказывание запрета часто сопровождается его обоснованием, позволяющим смягчить коммуникативное намерение автора, переключая внимание адресата с собственно запрета на его аргументацию, например:

Well, stop wondering. That strategy will hurt your score more than it would help.

(USA Today: Jan.29, 2008)

Стремление смягчить категоричность негативной оценки, имплицированной в РА запрета, исходит из столь свойственного американской лингвокультуре «культы приватности» [11, с. 5]. Приватность выступает как один из ключевых аспектов социолингвистической категории «лицо». Сохранение приватности предполагает табуирование действий, которые ассоциируются с ее нарушениями [7, с. 201].

3. Речевой акт упрека.

РА упрека предполагает выражение недовольства, неодобрения в адрес «виновной стороны» в связи с тем, что обстоятельства ситуации сложились именно так, а не иначе. Общеизвестной лексико-синтаксической моделью выражения упрека является следующая:

Subject + could/might/should + Perfect Infinitive.

Исследуемый материал указывает на реализацию в дискурсе американской «прессы мнений» всех видов этой модели:

1. *«We all could have done things better,» said Brady, who completed 29 of 48 passes for 266 yards. «I could have made better reads, better throws.*

(The New York Times: Febr.4, 2008)

2. *It seemed they might have done better to concentrate strictly on the music.*

(The New York Times: March 16, 2008)

3. *I should have done something different.*

(The New York Times: March 16, 2008)

Представляя собой одну из форм речевой агрессии, упрек предполагает имплицирование отрицательной эмотивной оценки. Косвенный способ представления оценки способствует выражению мысли в более мягкой форме. Это указывает на наличие в американском газетном дискурсе коллективной установки на толерантность и уважение к чужому мнению, характерного для англоязычного сообщества.

4. Речевой акт сожаления.

Основная прагматическая функция этого типа речевого акта – выражение чувства печали, огорчения, досады, основанное на сознании невозможности изменить или осуществить что-либо. Выражение этих чувств не приветствуется в американском обществе. Считается нормой быть счастливым; быть несчастным, грустить – неприлично. Эти социокультурные особенности заставляют субъекта речи косвенно высказывать отрицательную оценку, связанную с сожалением, что приводит к использованию следующих языковых форм:

а) Subject + might + Perfect Infinitive + if-clause.

It's not clear whether the U.S. could have done anything to improve the situation in Pakistan, though it might have helped if we had done a better job in Afghanistan.

(The New York Times: Oct.15, 2002)

б) It would have been better + If-clause.

It would have been better if it had been done months ago.

(The New York Times: Jan.29, 2008)

Имплицитный оценочный смысл РА сожаления заключается в противопоставлении ожидаемых и реально произошедших событий. Использование модального сказуемого и лексемы *better* в отношении несостоявшегося действия указывает на то, что субъект речи дает отрицательную оценку наличной ситуации.

5. Речевой акт сообщения.

Основная прагматическая функция этого типа речевого акта – сообщать получателю информации о некотором положении дел. Наиболее распространенными конструкциями РА сообщения являются следующие:

а) There is.../There are...; There was.../There were...;

б) Subject + Predicate + Object.

Обратимся к материалу:

There was a light moment when Bush said the queen had visited America for the Bicentennial «in 17-1976». He paused and looked at her. The crowd chuckled. «She gave me a look that only a mother could give a child», he said.

(USA Today: May 8, 2007)

В данном сообщении применяется «метод выборочного подбора информации» (термин И. М. Дзялошинского [6, с. 46]). Известно, что на церемонии в честь визита королевы Великобритании в США, президент Дж. Буш-мл. допустил ряд оговорок, компрометирующих его перед всей мировой общественностью. В контексте описываемой ситуации упоминается лишь одна из них, хотя Дж. Буш имел бестактность дважды напомнить королеве-матери о ее возрасте. Исключая часть высказывания из контекста описываемой ситуации, автор статьи маскирует досадные промахи президента США, что ведет к частичному сохранению имиджа главы государства и не подразумевает осуждения его действий.

Не менее распространено внедрение дискредитирующей информации в контекст цитирования. Так, посредством цитирования в статье двух опровергающих друг друга то-

чек зрения одного и того же автора, создается контекст самодискредитации фигуранта описываемой ситуации:

Putin told a group of reporters recently that the U.S. missile defense plans would upset «the strategic balance in the world». The White House circulated a quote from Putin, who told NBC News in 2000 that he supported a common effort on missile defense against nations in North Korea. «Such mechanisms are possible if we pool our efforts and direct them towards neutralizing the threats against the United States, Russia, our allies or Europe in general», Putin said in 2000.

(USA Today: June 5, 2007)

Как видно из приведенного примера, авторская интенция дискредитации выводится из контекста употребления двух взаимоисключающих по смыслу цитат политика.

Имплицитная оценка может содержаться и в авторском пересказе слов актанта дискурса, например:

Rep. Duncan Hunter (R-Calif.) won applause for his son's service in Iraq, but when he mentioned his support for President Bush's troop increase, he was met by silence.

(Washington Post: March 15, 2007)

Приведенный образец демонстрирует, что оценка может возбуждаться в сознании реципиента не только прямыми вербальными сигналами, но и самим поведением коммуникантов в наличной ситуации. В данном случае экстралингвистическим сигналом оценки является апелляция к определенным поведенческим нормам (аплодисменты, молчание) при описании коммуникативной ситуации. Однако оценочный смысл данного сообщения не может быть интерпретирован однозначно. Так, если аплодисменты предполагают позитивную реакцию слушателей на действие субъекта речи, т. е. одобрение, то молчание всегда наделено семантикой неопределенности. В англоязычной лингвокультуре молчание может являться знаком согласия, о чем свидетельствует пословица *silence*

gives consent. Вместе с тем, молчание может стимулировать и негативные ассоциации в сознании реципиента. На связь молчания с дискомфортными ситуациями указывает наличие в английском языке фразеологизмов *dead silence* «мертвая тишина, гробовое молчание», *pass into silence* «быть преданным забвению, кануть в вечность» [2, с. 690]. Согласно данным ряда американских исследователей, молчание, наряду с колебанием и отсутствием энтузиазма, служит в американской лингвокультуре невербальным средством выражения несогласия [15; 16]. На возможность выражения несогласия посредством молчания в американском этикете указывает также И. А. Постоенко [9, с. 40]. Известно, что молчание в некоторых случаях может заменять такой оценочный речевой акт, как упрек, сохраняя при этом его иллокутивную силу [5, с. 23–24]. В приведенном примере ситуация молчания противопоставляется ситуации бурных оваций (на это указывает употребление противительного союза *but*), что в данном случае не вызывает у адресата возникновение положительных ассоциаций в отношении молчания как формы коммуникативного взаимодействия.

6. Речевой акт осуждения.

Основная прагматическая функция РА осуждения заключается в выражении неодобрительного мнения, порицания. Следует отметить, что в высказывании осуждения обращает на себя внимание частое обращение субъекта речи к моральным категориям, что выражается в употреблении соответствующей лексики. Так, в РА осуждения часто имеет место использование лексики, характеризующей понятия «стыд», «вина», что выражается в использовании следующих структур:

а) Shame on + Object:

Caught lying? Shame on you.

(The Los Angeles Times: March 10, 2008)

б) Don't blame + Object:

Don't blame the next President who will be forced to raise taxes. Blame this one.

(The Los Angeles Times: Oct. 8, 2007)

Использование РА осуждения как средства косвенной оценки указывает на то, что говорящий берет на себя роль судьи, т. е. роль более знающего коммуниканта, чем его адресат. Однако эта ситуация не очень характерна для дискурса качественной прессы США.

7. Речевой акт несогласия.

Несогласие предполагает отсутствие единомыслия, согласия у участников коммуникации. В этом типе речевого акта имплицитруется неодобрение, отрицательная оценка противоположного взгляда на факты, события. Наиболее распространенным языковым средством выражения имплицитной оценки посредством РА несогласия в дискурсе американской «прессы мнений» является использование риторических вопросов. Риторические вопросы служат для более эмпатичного выражения суждения и обусловлены желанием говорящего оказать эмоциональное воздействие на слушающего, выразить свое отношение к высказываемому [9, с. 20].

Анализ исследуемого материала показывает, что в американском газетном дискурсе в качестве риторического вопроса со значением несогласия могут быть представлены все синтаксические типы вопросительного предложения. Наиболее распространены следующие структуры:

а) Do you ...?

Do you really believe if we replace a bunch of corporate Republicans with a bunch of corporate Democrats that anything meaningful is going to change?

(The Los Angeles Times: Jan. 8, 2008)

б) Don't you ...?

Don't you think that's the most important thing we could do to make America a richer and fairer place?

(The New York Times: Sept. 10, 2006)

Семантическая природа риторического вопроса такова, что риторический вопрос с отрицанием является особой формой «усиленно-го утверждения» в то время, как риторический вопрос без отрицания служит для выражения экспрессивного отрицания [9, с. 20]. Несогласие может быть передано как тем, так и другим способом. Оно также может быть выражено посредством специального (местоименного) риторического вопроса. Наиболее распространенными являются вопросы к обстоятельству причины с вопросительным местоимением *why* (*Why-questions*). Такие вопросы, как правило, имеют в своем составе модальные глаголы *should / would*:

1. *Go away? Why should she?*
(*The Los Angeles Times: March 9, 2008*)
2. *Why would they want to do that?*
(*The New York Times: March 16, 2008*)

Риторический вопрос с местоимением *why* может быть как положительным, так и отрицательным по форме:

1. *Why should our kids get fewer opportunities to play because of where they live?*
(*The Washington Post: Apr. 4, 2008*)
2. *Why don't we say no to bugs?*
(*The New York Times: Dec. 30, 2007*)

В составе *Why-questions* в нашем материале часто присутствует интенсификатор «*on earth*». В этом случае несогласие граничит с возмущением:

- Why on earth would the president of the U.S. in the year 2003 take the trouble to do that?*
(*The New York Times: Jan. 22, 2003*)

Why-questions как косвенные РА оценки часто включают в свой состав придаточные предложения условия (*if-clauses*). Здесь имеется оценочная пресуппозиция: то, что представлено в придаточном предложении, обычно опровергается, оценивается как отрицательный факт далее:

- If Karl Rove is such a genius, why is the current Republican presidential field so weak?*
(*The Washington Post: August 17, 2007*)

Риторический вопрос позволяет апеллировать к адресату и не заостряет внимание на исходно субъективном отношении к объекту оценки. Это свидетельствует об уважительном отношении журналиста к своей аудитории и становится залогом успешной коммуникации.

Таким образом, в данной статье выявлены и суммированы структурно-семантические средства создания имплицитной оценочной ситуации в американском газетном дискурсе, определены некоторые экстралингвистические факторы, влияющие на высказывание косвенной оценки. Как следует из фактического материала, имплицитная оценочная ситуация в американском массмедиальном дискурсе имеет лексико-грамматические формы выражения, характерные для речевых актов совета, запрета, упрека, сожаления, сообщения, несогласия, осуждения. Значимым средством создания имплицитной оценочной ситуации является апелляция субъекта речи к универсальным знаниям о мире и социокультурным характеристикам американского лингвосообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 607 с.
2. Большой англо-русский фразеологический словарь: около 20 000 фразеологических единиц / А. В. Кунин. 6-е изд., исправл. М.: Живой язык, 2005. 944 с.
3. Вольф Е. М. Оценка и «странность» как виды модальности // Язык и логическая теория. М.: Центр. совет филос. (метод.) семинаров при Президиуме АН СССР, 1987. С. 178–186.
4. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 280 с.
5. Давыдова Т. Д. Роль молчания в речевом акте упрека // Филология. История. Межкультурная коммуникация: Тез. докл. рег. конф. молодых учен. Иркутск: ИГЛУ, 2002. С. 23–24.
6. Дзялошинский И. М. Манипулятивные технологии в масс-медиа // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. 2005. № 1. С. 29–54.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

7. Иная ментальность / В.И. Карасик, О.Г. Прохвачева, Я. В. Зубкова и др. М.: Гнозис, 2005. 352 с.
8. *Каразия Н. А.* Прагмалингвистическое исследование акта упрека в контексте современной американской речевой культуры: Дис. на соис. учен. степ. канд. филол. наук. Петропавловск-Камчатский, 2004. 214 с.
9. *Постоенко И. А.* Ситуация несогласия / отказа в динамике английской речи: Дис. на соис. учен. степ. канд. филол. наук. Хабаровск, 2001. 185 с.
10. *Пьянзина И. Н.* Прагматика оценки в субъязыке современной британской прессы (на материале публицистического очерка): Дис. на соис. учен. степ. канд. филол. наук. Н. Новгород, 2000. 186 с.
11. *Серкова Н. И.* Межличностные отношения как социолингвистическая и методическая проблема. Хабаровск, 1993. 12 с. Рук. деп. в ИНИОН РАН.
12. *Серль Дж. Р.* Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986(6). С. 195–222.
13. *Трипольская Т. А.* Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1999. 166 с.
14. *Федотова Е. И.* Типы предложений оценочной семантики (объект оценки – адресат). Киев, 1987. 34 с. Рук. деп. в ИНИОН АН СССР.
15. *Beebe L. M.* Pragmatic transfer in ESL Refusals // Developing Communicative Competence in a Second Language. The USA, 1990. P. 55–73.
16. *Rubin J.* How to Tell when Someone is Saying “No” Revisited // Sociolinguistics and Language acquisition. Mass: Rowley, 1983. P. 10–18.